

Олег Анофриев — популярный артист театра и кино, любимый зрителями прежде всего за удивительный голос и замечательные песни: «Призрачно все в этом мире бушующем...», «Это было недавно, это было давно...», «Какая песня без баяна, какая зорька без росы...». И, конечно, песни из мюзикла «Бременские музыканты» и мультфильма «Как левенок и черепаха пели песню»...

Именно с этими песнями Олег Анофриев выступает в эстрадном марафоне «Юморина», который проходит ежемесячно на театральных подмостках Москвы. «Юморина» примечательна тем, что на ней можно не только увидеть выступление любимого артиста, но и пообщаться с ним в антракте — взять автограф, сфотографироваться на память и купить его книгу или диск. На одном из концертов и состоялся этот разговор...

Олег АНОФРИЕВ:

*Новая газета. — 1999.
— 16-22 авг. — с. 15*

СТАРЫЕ ПЕСНИ ДОЛЖНЫ ПЕТЬ СТАРЫЕ АКТЕРЫ...

— Олег Андреевич, вот вы пели на концерте «Ничего на свете лучше нету, чем бродить друзьям по белу свету...» или «Я на солнышке лежу...», зритель вам подпевал, а я думала: сейчас у нас нет таких добрых, светлых песен и вообще у нас «о главном» — только «старые песни»... Как вы относитесь к тому, что многие ваши песни перпеваются современными исполнителями?

— Я отношусь к этому отрицательно по одной простой причине. Старые песни должны петь старые актеры, потому что они это пели замечательно. И я замечательно пел. Говорю это без ложной скромности. За что меня и любят зрители. Я пел душой.

А перепевание старых песен — это мелкое разрывывание золотых фондов. Иначе я к этому относиться не могу. Ну хороший парень Николай Расторгуев, я к нему очень душевно отношусь. Он замечательно поет свои песни. «Не губите, старики, не губите...» — эту песню поет у нас в деревня. Но когда он поет «Есть только миг между прошлым и будущим...», я думаю: экономические интересы на эстраде и телевидении сильнее эстетических. Не надо с чужого плеча на себя пиджак натягивать.

Или еще какой-то певец, я даже не знаю его фамилии, поет «Ветер за кабиной уносит с пылью...». Это же новелла о дальнотойщиках! Здесь нужно передать состояние тревоги, состояние движения. А он думает — достаточно выпустить чуб, сесть за баранку и просто спеть эту песню. Другой схватил мою песню «Ах, ты палуба, палуба...». Пустил девчонок в тельняшках на заднем плане. А там ведь (поет очень нежно): «Ах, ты палуба, палуба, ты меня раскачай, ты печаль мою, палуба, расколи о причал-а-а-а!» А он бездумно повторяет припев 26 раз — и все!

Говорят, Филипп Киркоров собирается делать «Бременских

музыкантов». Пусть пробует. Муслим Магомаев спел — у него ничего не получилось.

Вы скажете — старый критикан. Но я не могу думать иначе. Может быть, это конфликт поколений. Они с легкостью расправляются с женщинами, с легкостью расправляются с моралью, с историей, с литературой...

— Ваше поколение — это поколение интеллектуалов...

— Я думаю иначе. Мы были жалкими последователями, последышами предшествующих поколений. По отношению к «той» культуре. Даже пролетарской. Потому что в пролетарскую культуру вошли не только серые демьяны белдые. Вошли еще и Блок, и Маяковский. Ведь и Ахматова, Цветаева — это тоже советское время. Сколько они написали уже при советской власти! Поэтому мы никакие не интеллектуалы, а пигмеи по сравнению с ними, с лучшими представителями.

Возьмите даже эстраду. Утесов. Это что, разве плохо? Это человек-глыба.

— А что вы думаете о нашем смутном, непонятном времени конца девяностых?

— Я воспитывался и рос, когда мы понимали дистанцию между властью и нами, маленькими людьми, которые ничего не решают. Это было время, когда за любое неаккуратно сказанное слово тебя могли отправить в места не столь отдаленные. Я не утерял это чувство дистанции между верховной властью и собой.

А сейчас замолчали люди, которые кричали в начале перестройки, их имена не хочется упоминать все. Власть может заставить замолчать даже таких людей.

— Многие деятели культуры в своих интервью занимаются «духовной проповедью». Ваше отношение к религии?

— Крещен я с детства и крест на себя надел еще сорок лет назад, тогда же надел и обручальное кольцо. За это могли

выгнать из комсомола. У нас в деревне, где я живу, стоит замечательная часовня. Я принимаю участие в поддержании этой часовни, а также занимаюсь «агитацией» среди деревенских.

С другой стороны, я очень осторожно отношусь к культу. Вы знаете прекрасно, что священники — такие же люди. Многие из них недостойны того, чтобы носить сан. И это было всегда: и попы-пьяницы, и попы-скопидомы. Я никоим образом не жалею и не стесняюсь своей работы по А. С. Пушкину в мультфильме «Сказка о попе и его работнике Балде». Потому что в этой сказке идет речь о жадном попе, а не о слуге Господа Бога.

— Нравятся ли вам современные феминизированные женщины?

— Я не могу сказать, что мне нравятся «синие чулки», но и не могу сказать, что мне нравятся феминистки. Как и всякий человек, я стремлюсь к золотой середине. В женщине должна быть сексуальность, должна быть тайна.

— В чем вы находите утешение, отдохновение в наше стрессовое время?

— Я пишу. Скоро выйдет моя книжка «Солдат и балерина». Это стихи, песни к фильму, просто песни, короткие эссе о моих коллегах, представляющих интерес для читателя... Я беру воспоминания о замечательных людях не потому, что я хочу прислониться к ним. Я исхожу из того, что эти люди знакомы широкому зрителю, и пытаюсь в пятнадцати — двадцати строчках сказать свое мнение, зная их изнутри. Книга содержит также пародии, эпиграммы и даже либретто к сказке Шварца «Тень», сделанное очень близко к оригиналу.

— Участвуете ли вы в настоящее время в каких-нибудь театральных или киношных проектах?

— Так получилось, что театр и кино я довольно давно исключил из круга своего вни-

мания. Но сейчас собираюсь сниматься в картине по Андрею Платонову, который представляет для меня литературный интерес. Это также возможность заработать денег. Фильм снимается по рассказу «На заре туманной юности» — о том, как девочка спасает железнодорожный состав с красноармейцами. Для своего персонажа я написал романс, который он под гитарку исполняет.

— Насколько вам близок «западный» стиль жизни, который культивируется сейчас в России?

— Протестовать против этого невозможно. Индусы никогда не пели западную музыку, но посмотрите все индийские мюзиклы — это уже практически европейская музыка, хотя это нарушение всех традиций. Все движется в одну сторону. Потому что западная поп-культура — очень мощная. Она имеет давние корни, огромнейшие финансовые возможности, и в ней очень много талантов.

Постепенный переход к европейско-американскому стереотипу неизбежен. Но национальные культуры вполне могут существовать параллельно. Радикальных славянофилов, противопоставляющих себя всему миру, я не люблю.

— Придерживаетесь ли вы здорового образа жизни?

— Мой здоровый образ жизни в том, что я два раза в день гуляю с собаками. Их у меня три: московская сторожевая, английский сеттер и ее сын-полукровка. Без собак я уже не могу.

— На крышах домов в Москве установлен таймер, указывающий нам, сколько дней осталось до 2000 года. Кто-то готовится к концу света, кто-то отрицает даты и цифры. А что вы думаете по этому поводу?

— Я без юмора к этому относиться не могу. Дело в том, что, будучи молодым человеком, греша налево и направо, я у Господа Бога просил дожить до начала XXI столетия. Так что мой срок истекает. (Смеется.) А уходить очень не хочется, поэтому я придумал для себя такую формулировку: ну а теперь каждый год — это подарок... Наше отношение к датам — вещь относительная. Мы все ждем, что будут какие-то перемены, а на самом деле — просто назовут: «2000 год». Компьютерную проблему с нулями уже решили, так что все пойдет как было, ничего не изменится.

— Вы упомянули свою грешную молодость. Вы были плейбоем?

— Нет. Я был даже в какой-то мере тартлофом. По отношению к жизни у меня всегда были правила, которых я старался придерживаться.

● Беседовала
Татьяна МЕДВЕДЕВА